

АЛЕКСАНДР БЕРЕЖНОЙ

ОСТРОВ ГИДРОГРАФА ЖОХОВА

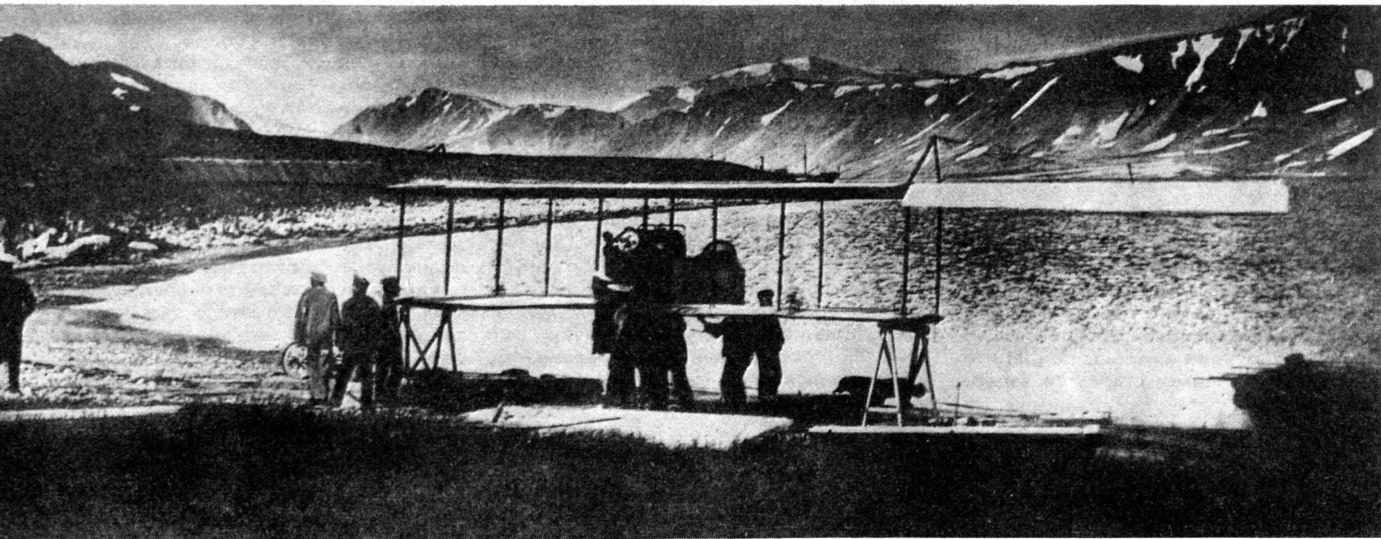
Музей Арктики и Антарктики в Ленинграде. Здесь, в одном из залов, где сосредоточены реликвии наиболее известных полярных экспедиций, мое внимание привлекла как-то одна не совсем обычная фотография. Около восьмидесяти человек «вместил» сразу этот редкий снимок! Моряки строго, по-военному подтянуты, на бескозырках можно безошибочно прочесть названия судов: «Таймырь» и «Вайгачъ». Это участники Гидрографи-

ческой экспедиции Северного Ледовитого океана (сокращенно — ГЭСЛО, 1910—1915 годы), те, кто впервые в истории полярного мореплавания совершил сквозной проход вдоль всего арктического побережья с востока на запад.

Помнится, долго в тот раз я изучал фотографию полярных первопроходцев, тщетно пытаясь «расшифровать» ее. Ни один из моряков — участников экспедиции на этой фотографии по имени

не значился: «Состав Гидрографической экспедиции...» — и все. Остался неизвестным и автор уникального снимка, сделанного в 1914 году, по-видимому, на борту экспедиционного судна.

Но об одном моряке мне все-таки тогда кое-что узнать удалось. И помог в этом сотрудник музея, заметивший, очевидно, мой особый интерес к полярной реликвии. Указав на сидевшего справа на фотографии во втором ряду круглолицего офицера, он произнес:

— Слишком молодым ушел Алексей Жохов...

— Что же случилось? — вырвалось у меня.

— Была зимовка. Лейтенант заболел якобы, — мой неожиданный собеседник задумался на минуту. — Впрочем, не все еще до конца ясно в его полярной истории...

Алексей Жохов. Со снимка смотрели мягкие, внимательные, сосредоточенно-задумчивые глаза...

Большого о судьбе моряка выяснить тогда не удалось: никакими материалами, относящимися к деятельности А. Н. Жохова в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, музеев, к сожалению, не располагал.

Уже много лет занимаюсь я историей полярных исследований, и, конечно, личность Алексея Жохова, чьим именем назван остров в Северном Ледовитом океане, личность, как я чувствовал, интересная и в то же время малонизвестная, не могла оставить меня равнодушным. Начался поиск. Пришлось обойти немало ленинградских адресов: побывать в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота и Центральном военно-морском музее, в известном переулке Гривцова, где размещается сегодня архив и библиотека Географического общества СССР. Пришлось списаться со многими людьми, имевшими отношение к Арктике и за-traгиваемым событиям, встретиться с потомками участников экспедиции, перевернуть горы архивных документов. И только тогда приоткрылась короткая, но яркая жизнь лейтенанта Жохова.

Гидрографическая экспедиция в отличие от большинства других, осуществившихся на пожертвования частных лиц и ученых обществ, была организована на казенные средства и с особой тщательностью. К ее снаряжению были привлечены известные авторитеты: кораблестроитель А. Н. Крылов, начальник Главного гидрографического управления А. И. Вилькицкий, профессор Ю. М. Шокальский. Возглавил специальную комиссию адмирал В. П. Верховский. «Таймыр» и «Вайгач», так назывались экспедиционные транспорты,

были первыми стальными кораблями ледокольного типа, построенными специально для исследовательских работ в полярных морях, на отечественном заводе, из отечественных материалов и по русским проектам. Впервые за всю историю арктического мореплавания они были также снабжены и радиотелеграфом.

Ледоколы были спущены на воду весной 1909 года, а уже в конце августа следующего года, после перехода южным путем, отправились из Владивостока на разведку в Берингов пролив. Намечалось, что «Таймыр» и «Вайгач», совершая ежегодные плавания в восточном секторе Арктики в течение двух-трех лет и возвращаясь каждый раз в конце навигации на свою базу — Владивосток, достигнут первоначально мыса Челюскин, а затем и западной части Северного Ледовитого океана. Их базой здесь должен стать Архангельск или Александровск-на-Мурмане. «Таймыр» и «Вайгач» были укомплектованы военными моряками, пожелавшими работать в суровых арктических условиях. Команда каждого ледокола состояла из пяти офицеров, судового механика, врача и сорока нижних чинов. Перед гидрографической экспедицией стояла задача изучить в навигационном отношении весь Северный морской путь.

В 1912 году «Таймыр» и «Вайгач» уже третий сезон успешно проводили высокоширотные исследования в Восточно-Сибирском море и море Лаптевых. Однако судовой состав после двух прошедших навигаций значительно обновился: не всем оказалось под силу выдержать суровые испытания первых арктических плаваний, кое-кто покинул экспедицию, разуверившись в возможности сквозного прохода через полярные льды...

Пришли новые моряки, большинство из которых мечтали попасть в экспедицию. Все они по разным причинам оказались в Сибирской флотилии. Пришел сюда и лейтенант Алексей Николаевич Жохов. Скупые строки архивных документов отмечают ступеньки продвижения Жохова по службе: воспитанник Морского корпуса, младший гардемарин, старший гардемарин, мичман, лейтенант... Мелькают названия кораблей, на которых он нес боевую службу, в их списке значится и крейсер «Аврора». Переход Алексея Жохова с Балтийского флота на Тихоокеанский был вынужденным. О причинах его рассказал Дмитрий Николаевич Жохов, брат Алексея, в письме к костромскому краеведу А. А. Григорову.

...В апреле 1911 года молодой способный лейтенант Алексей Жохов был назначен на линкор «Андрей Первозванный», базировавшийся в Либаве (ныне Лиепая). Там у него произошел конфликт: Жохов вступился за унтер-офицера, с которым грубо обошелся старший офицер. В результате и старший офицер, и лейтенант Жохов были списаны с корабля.

Итак, Алексей Жохов — вахтенный

офицер «Таймыра». Вместе с другими участниками гидрографической экспедиции он занимается составлением морских карт, сбором научных коллекций и материалов о природе арктических морей. В короткое время молодой офицер показал себя опытным моряком и пытливым исследователем. По возвращении из экспедиции Жохов был отмечен очередной наградой и вскоре зачислен в штурманские офицеры второго разряда. Все это говорило о несомненных способностях флотского офицера-гидрографа.

9 июля 1913 года¹ для гидрографической экспедиции началась четвертая, а для Алексея Жохова вторая полярная навигация. «Таймыр» и «Вайгач» почти на месяц позже обычного оставили Владивостокский рейд. Сказалась суровая зима: пришлось до поздней весны заниматься ледокольными работами в порту.

В задачу плавания 1913 года входило продолжение описи побережья к западу от устья Лены, а также восточных и северных берегов Таймыра. Сквозной маршрут до Архангельска был предложен в случае удачи. Но в начале долгожданного похода опасно заболел начальник экспедиции генерал-майор И. С. Сергеев. Пришлось еще неделю простоять у селения Ново-Мариинск, в Анадырском заливе, где имелся беспроволочный телеграф, чтобы сообщить в Петербург о случившемся. В командование экспедицией вступил командир «Таймыра» капитан 2-го ранга Борис Андреевич Вилькицкий, 28-летний, блестяще образованный морской офицер, человек решительный и инициативный, в немалой степени способствовавший дальнейшим успехам ГЭСЛО.

Пройдя Берингов пролив, «Вайгач» лег курсом севернее, а «Таймыр» повернул на запад, следуя с промерами вдоль материкового берега.

Поначалу ледовая обстановка благоприятствовала экспедиции, и суда продвигались уверенно. Было необычно тихо, приветливо светило солнце, и только всплывавшие то там, то здесь моржи разрушали иллюзию теплого моря. Но на подходе к проливу Лонга погода резко испортилась: свежий северо-западный ветер развел большую волну. С каждой милей льда становилось все больше, а полосы тумана начали сменяться мокрым снегом. До самой Чанунской губы «Таймыр» шел уже в сплошном льду. 15 августа он наконец вышел на видимость острова Четырехстолбового. Здесь его поджидал прибывший несколько ранее «Вайгач», которому из-за тяжелой ледовой обстановки так и не удалось на этот раз достичь острова Врангеля...

В отличие от сурового Чукотского Восточно-Сибирское море встретило исследователей ласково. Производя по пути гидрологический разрез и траление, «Таймыр» уверенно поднимался к северу. Но при попытке обогнуть Ново-

¹ Все даты здесь и далее даны по новому стилю.

сибирские острова он неожиданно вышел на мелководье, с которого выбрался с трудом. А когда туман рассеялся, левее курса был усмотрен остров. Его открытие явилось полной неожиданностью. «В ночь на 20 августа,— вспоминал впоследствии один из участников экспедиции, доктор медицины Леонид Михайлович Старокадомский,— вахтенным начальником на «Таймыре» был лейтенант А. Н. Жохов. В 5-м часу утра он заметил впереди и несколько левее курса небольшой высокий и обрывистый остров и немедленно сообщил об этом начальнику экспедиции. Не прошло и трех минут, как весь экипаж был на ногах. Из кают и кубрика, одеваясь на ходу, выскакивали на палубу офицеры и матросы, чтобы собственными глазами убедиться в существовании обнаруженного Жоховым острова».

«Таймыр» взял курс прямо на обрывистую островную сушу. Взору путешественников открылась картина первозданного арктического мира: на каменистой вершине стоял огромный белый медведь, безбоязненно разглядывая гостей. Моржи плавали вокруг корабля. Неугомонные чайки, как всегда неистово крича, носились над островом. Чуть поодаль, на береговой песчаной отмели, спал еще один белый медведь...

Тотчас на берег была снаряжена охотничья партия, чтобы добыть для экипажа свежее мясо,— в нее вошел и Алексей Жохов, страстный охотник. После обеда отрядили вторую экспедицию. Б. А. Вилькицкий вспоминал: «Достигнув вершины острова, старший офицер «Таймыра» старший лейтенант Нилендер водрузил национальный флаг, частью врыв его в скалу, частью завалив камнями. В прорезь мачты была вложена записка о дне открытия и присоединении острова к владениям России». В последующем новооткрытый остров называли именем А. И. Вилькицкого — отца начальника экспедиции: он немало поработал в Арктике, а затем много лет возглавлял Главное гидрографическое управление.

1 сентября вдали показался мыс Челюскин. Но на пути к нему и на этот раз лежали тяжелые льды. Решено было подняться вдоль кромок льдов, с тем, чтобы, обогнув их с севера, попытаться спуститься снова к таймырскому побережью. На следующий день был открыт небольшой песчаный остров, известный сегодня под названием Малый Таймыр. Но на этом пути моряков ждало еще одно открытие...

Севернее новооткрытого острова глубины стали заметно возрастать, но кромка припая по-прежнему уходила куда-то на северо-запад. Всюду же мористее виднелся многолетний дрейфующий лед. Свежим зойд-вестом плавающие льдины отжимало от сплошного заснеженного поля, и суда медленно продвигались вперед. Но далее по курсу, к удивлению моряков, вдруг стали попадаться айсберги. Высота их над водой достигала пяти-шести саженей, односторонний вертикальный излом сви-

детельствовал об их глетчерном происхождении. Неужели ледниковые обломки принесло сюда со Шпицбергена или Земли Франца-Иосифа? Однако загадка появления айсбергов вскоре выяснилась: на утреннем светлеющем горизонте из-за поднявшихся темных туч стали вырисовываться высокие заснеженные горы. Земля!

По мере того как «Таймыр» и «Вайгач» все ближе продвигались к неизвестной суше, вид ее берегов становился внушительнее. Горы круто спускались к морю. Полосы свободной ото льда воды тянулись далеко на север. Доктор Старокадомский, в числе первых увидевший эту землю, вспоминал много лет спустя: «Прибрежная часть острова оказалась низменной, покрытой галькой. Местами встречался мох бурого цвета. Горы, сплошь усеявшие берег обломками скал, находились здесь примерно в одном километре от моря... Никаких животных не встретили, хотя видели следы оленей, песцов и белых медведей».

Вначале открытую землю приняли за обычный остров. Но когда попытались обогнуть его, пройдя берегом более сотни миль, оконечности не увидели. На второй день Вилькицкий принял решение выслать на берег исследователей. В их числе был и Жохов. Произвести тщательное обследование не было времени: надвигалась полярная зима, и дорог был каждый погожий день. На месте наблюдений — 80°04' северной широты и 97°12' восточной долготы — из обломков камней соорудили астрономический пункт — гурий, подняли русский флаг. Общие береговые контуры положили на карту. «В поисках Вельского Северного пути из Тихого океана в Атлантический,— говорилось в приказе по экспедиции,— нам удалось достигнуть мест, где еще не бывал человек, и открыть земли, о которых никто и не думал. Мы установили, что вода на север от мыса Челюскин не широкий океан, как его считали раньше, а узкий пролив». Ныне он носит имя начальника экспедиции Б. А. Вилькицкого. Так была открыта Северная Земля, оказавшаяся, как выяснилось впоследствии, огромным, состоящим из четырех крупных и ряда мелких островов архипелагом. Это было крупнейшим географическим открытием нашего столетия.

В планы экспедиции не входило продвижение далеко на север, тем более что впереди вставали непроходимые ледяные горы. «Таймыр» и «Вайгач» спустились к югу и легли на обратный курс. По пути предусматривалась высадка на остров Беннетта. Здесь необходимо было снять геологическую коллекцию Э. В. Толля, оставленную выдающимся отечественным ученым, исследовавшим этот остров в поисках Земли Санникова. В июле 1902 года после двух зимовок во льдах парусно-моторной шхуны «Заря», на которой совершалась экспедиция, Толль отправился по льду на остров Беннетта с тремя спутниками. Повернув затем с острова на юг, все они бесследно исчезли. И вот, десятилетие

спустя, путешественникам предстояло пройти по последнему следу отважного русского первопроходца.

18 сентября Жохов вместе со Старокадомским и группой матросов с обоих кораблей высадились на острове Беннетта. Через много лет Старокадомский напишет: «Спускались густые сумерки. Мы все же принялись за поиски коллекций. Лейтенант Жохов и я одновременно нашли в противоположных концах долины по два ящика — они стояли попарно — с геологическими образцами. Кроме ящиков, мы обнаружили еще небольшую корзину из дракон, также наполненную образцами горных пород. Неподдалеку от нее лежали два полуметровых куса бивней мамонта». Отдавая дань уважения мужеству и отваге смелых исследователей, экспедиция установила в их честь деревянный крест на острове. На медной дощечке были выбиты слова: «Памяти погибших в 1902 году начальника экспедиции Эдуарда Толля, астронома Фридриха Зеберга, проводников Василия Горохова и Николая Протодыкова. Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. 5 сентября 1913 г.».

Завершив опись Беннетта, путешественники двинулись дальше.

25 ноября «Таймыр» и «Вайгач» благополучно прибыли во Владивосток.

Известие об открытии крупнейшего арктического архипелага к северу от мыса Челюскин произвело огромное впечатление. О нем писали все отечественные и зарубежные газеты. Результаты научной экспедиции превзошли все ожидания. Достаточно сказать, что на карту было положено более чем тысячекilометровое арктическое побережье, не говоря об огромном объеме произведенных астрофизических и гидрографических работ. За эту экспедицию ряд офицеров-гидрографов, ее участников, получили награды. Жохов в этом плавании вел наблюдения за течениями. После экспедиции молодой гидрограф был назначен старшим офицером «Таймыра» и одновременно помощником начальника экспедиции. Его избрали также в состав обер-офицерского суда чести Владивостокского порта. И все-таки Алексей Жохов, как, впрочем, и большинство офицеров экспедиции, не был удовлетворен итогами 1913 года. Сквозное плавание через Ледовитый океан все еще оставалось неосуществленной мечтой...

7 июля 1914 года «Таймыр» и «Вайгач» снова покинули Владивосток. Задача сквозного маршрута вдоль всего «северного фасада России» была главной для экспедиции в этом арктическом сезоне. Уверенность в успехе вселяла не только приобретенный в предыдущих плаваниях богатый практический опыт, но и основательная подготовка экипажей к заключительному арктическому предпринятию. После непродолжительного захода в японский порт Хокадате и в Петропавловск-на-Камчатке суда снова легли курсом на север. В бухте

Ном на Аляске, куда зашел «Таймыр» справиться о судьбе потерпевших бедствие канадских полярников из экспедиции Стефансона, экипаж ожидало страшное известие: в Европе вспыхнула война! Вскоре по радио уже в Анадыре, куда «Таймыр» спешно прибыл 10 августа, был получен приказ продолжать полярный маршрут и продвигаться на запад.

Заход на Аляску не обошелся без курьеза. Много лет спустя один из участников ГЭСЛО, бывший матрос 1-й статьи, а впоследствии актер Театра Советской Армии, народный артист РСФСР и лауреат Государственной премии В. Н. Ратомский (настоящая его фамилия Лаптев), вспоминал: «4 августа при тихой и ясной погоде впереди отчетливо показались очертания небольшого порта Ном. Вахтенным начальником в тот день на «Таймыре» стоял лейтенант Жохов. Предвидя скорый заход в иностранный порт, лейтенант распорядился:

— Вахтенный!

— Есть вахтенный! — отозвался прибывавший на мостик матрос 1-й статьи Лаптев.

— Дайте команду снять чехлы!

— Есть дать команду...

Да! Но какие чехлы? Ни Жохов в спешке это не сказал, ни Лаптев, торопясь выполнить распоряжение, не уточнил. В результате произошло недоразумение. А дело все в том, что при обилии угля на корабле (грузили его даже на верхнюю палубу) белые чехлы на фуражках моряков быстро пачкались. Стирать же их в походных условиях было сложно. Потому при заходе в арктические широты этот атрибут военноморской формы разрешили снимать. И Лаптев скомандовал:

— Снять чехлы... с фуражек!»

Случай этот немало позабавил экипаж — ведь Жохов, готовясь к приветственному салюту, приказал снять парусину с компасов и орудий. Смеялся и сам Жохов, человек остроумный и общительный по натуре. Но после одного случая, произошедшего вскоре, живого и жизнерадостного лейтенанта словно подменили. А произошло, как рассказывали его товарищи, вот что.

Когда 10 августа «Таймыр» снимался с рейда Анадыря, из-за приливо-отливных течений его якорные канаты перекрутились. Удалось их распутать якобы лишь через сутки. Время, как мы помним, было военное, и задержка с выходом судна на целые сутки представляла серьезный проступок. Начальник экспедиции и он же командир «Таймыра» Б. А. Вилькицкий во всем обвинил Жохова, хотя случилось это по неопытности другого человека. 19 августа оба судна встретились в Колючинской губе, и тут последовало распоряжение: Жохову с «Таймыра» перейти вахтенным начальником на «Вайгач». Впрочем, в приказе причины этого перевода не объяснялись. Но факт остался фактом: перевод состоялся. На место Жохова с «Вайгача» пришел Николай Транзе,

давний друг и однокашник Алексея по Морскому корпусу. Но на Жохова, моряка опытного и исполнительного, умевшего ценить дисциплину, все случившееся действовало угнетающе...

Пройдя мыс Биллингса, суда повернули к северу, чтобы сделать еще одну попытку подойти к острову Врангеля с западной стороны. Теплилась надежда все-таки помочь канадцам, которые после гибели своего судна «Карлук» высадились на этот остров, а заодно и пересечь пространство, где когда-то, в 1764 году, геодезист сержант Андреев видел загадочную землю. Но все это оказалось тщетным из-за тяжелой ледовой обстановки.

По той же причине от обследования острова Жаннетты тоже вскоре пришлось отказаться. «Вайгач» с трудом выбрался на чистую воду. 27 августа при обходе с северной стороны открытого в 1913 году острова Вилькицкого стоявший на вахте лейтенант Жохов, как и в прошлый раз, спокойно и уверенно доложил:

— Прямо по курсу — неизвестный остров!

Сомневаться в удаче моряка и на этот раз не приходилось. Впереди действительно вырисовывались очертания невысокого холмистого острова, покрытого бедной тундровой растительностью. Теперь эта островная суша, лежащая в точке 76°10' северной широты и 153° восточной долготы, носит имя ее первооткрывателя — лейтенанта А. Н. Жохова¹. Площадь острова невелика — всего около 58 квадратных километров, но имеет он важное значение для изучения природы высоких широт. Сегодня здесь находится постоянно действующая полярная станция, на которой работает более двадцати советских зимовщиков...

Пасмурным туманным утром 3 сентября 1914 года суда подошли к мысу Челюскин. Однако пролив, открытый в прошлом году экспедицией, был забит сплошными ледяными полями.

Настроение участников экспедиции было подавленным: преодолеть такое расстояние, верить, что путь в Карское море свободен, — и вот снова неудача! Тогда Б. А. Вилькицкий впервые за всю экспедицию решил по-настоящему проверить ледокольные способности транспортов. 12 сентября «Вайгач» пробился сквозь льды к полуострову Оскара на южном берегу залива Толля. Здесь была произведена глазомерная съемка северного побережья полуострова партия, возглавляемой Жоховым. Исследователям удалось заснять свыше десяти

Порвоначально вновь открытый остров получил наименование остров Новопапенного — в честь бывшего командира «Вайгача». Но решением от 11 января 1926 года Президиум ЦИК исправил это недоразумение, присвоив острову имя его истинного первооткрывателя. Кстати, имя Жохова не так давно присвоено и еще одному географическому объекту — озеру в низовьях реки Келья, где Алексей Жохов производил свою последнюю съемку. Такое решение Красноярский исполком принял в 1978 году.

ти миль береговой линии, но работу пришлось прекратить, так как «Вайгач» стало относить льдами от берега. При попытке взломать лед «Таймыр» на выходе из пролива Вилькицкого едва не оказался раздавленным мощным напором ледяных глыб, получил огромную вмятину в левом борту ниже ватерлинии. Не обошлось без повреждений и на «Вайгаче». Здесь была потеряна одна лопасть винта, повреждена вторая, оборван штуртрос. В трюмах судна появилась течь... О том, чтобы пробиться на запад, не могло быть и речи. 24 сентября суда окончательно затерло льдами. Случилось это в заливе Дика, у западного побережья Таймыра.

В 20-х числах сентября «Вайгач» и «Таймыр» встали на зимовку. До ближайшего берега было около сотни миль, расстояние же между судами — 16 миль. Связь поддерживалась только по радио. Гидроплан, взятый для ледовой разведки и базировавшийся на «Таймыре», еще ранее при пробных полетах в бухте Эмма потерпел аварию. В дальнейшем, правда, полярники соорудили из него азросани, которые, кстати, впервые были успешно применены в Арктике.

В 150 милях западнее «Вайгача» зимовало судно «Эклипс» норвежской спасательной экспедиции О. Свердрупа: через его радиостанцию и наладили связь с Петроградом. Стали посылать телеграммы близким, получать ответы. Чтобы как-то разнообразить быт полярников, организовали для матросов общеобразовательные и профессиональные курсы, устраивали спортивные игры на открытом воздухе. Алексей Жохов вместе с другими офицерами корабля принимал деятельное участие в этом. Особенно он увлекался лыжами и «футболом на льду».

Но чем дольше продолжалась зимовка, тем заметнее менялось настроение молодого офицера. Он становился угрюмым, подавленным. Было очевидно, что, помимо душевных переживаний, связанных с переводом, Жохов обеспокоен чем-то еще, а возможно, болен. Однако к врачу не обращался и продолжал неустанно заниматься научными наблюдениями.

27 февраля на «Таймыр» поступила тревожная радиграмма: «Лейтенант Жохов серьезно болен, слабость сердца, нефрит, отек обеих легких, нужна консультация со Старокадомским». Далее следовали слова, адресованные лейтенанту Транзе, с просьбой навестить Жохова перед смертью. С группой матросов-добровольцев Транзе заспешил в полярную ночь на «Вайгач», куда с трудом сумел прибыть менее чем через сутки. Алексея Жохова он застал еще живым...

1 марта 1915 года Жохова не стало. «В лице Алексея Николаевича Жохова экспедиция лишилась прекрасного флотского офицера и работника, а мы — хорошего товарища», — записал врач «Вайгача» Э. Е. Арнольд. Товарищи Алексея Жохова, выполняя его послед-

ною волю, предали тело земле, а не погребли в полярных льдах. Каменистый мыс полуострова Таймыр, где были похоронены Жохов и умерший во время зимовки кочегар «Таймыра» матрос И. Ладоничев, получил наименование мыса Могильного. В память о моряках экспедиция заложила здесь вековую марку, произвела тригонометрическую нивелировку.

В середине июля лед вокруг «Таймыра» и «Вайгача» неожиданно начал взламываться. Сначала их стремительно понесло к берегу, а затем ледяное поле остановилось. На обоих судах развели пары, и 8 августа они получили наконец возможность продолжить долгожданное плавание на запад.

Ранним осенним утром под салют судов, стоявших на Соломбальском рейде, «Таймыр» и «Вайгач» вошли в Архангельск. Многоотрудный рейс вдоль всего северного побережья русские моряки завершили успешно. Было это 16 сентября 1915 года.

Сегодня общепризнано, что Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана многое сделала для освоения Северного морского пути. Она не только совершила крупнейшее географическое открытие века и выполнила огромнейший комплекс гидрографических исследований, но и явилась хорошей школой подготовки замечательных полярных исследователей, таких, как Б. А. Вилькицкий, Г. Л. Брусилов, Б. В. Давыдов, Н. И. Евгенов, К. К. Неупокоев, А. М. Лавров, Л. М. Старокадомский, А. Н. Жохов... Они принесли России заслуженную полярную славу, и их имена ныне по праву украшают карту Советской Арктики. Но, к сожалению, ГЭСЛО, как, впрочем, и все другие экспедиции прошлого, не обошлась без жертв.

Итак, что же нам известно об Алексее Жохове и его жизни?

...Александр Александрович Григоров, известный знаток истории русского флота и страстный краевед, вот уже около семи десятилетий настойчиво занимается выявлением всевозможных сведений по мореплаванию и сбором документов, относящихся к морякам-костромичам. Когда я встретился с ним и заговорил об Алексее Жохове, он оживился:

— Как же, как же не знать? Еще в 1927 году я жил в так называемом Жоховском переулке, в одном из домов, некогда принадлежавших отцу моряка. И поныне в нашем городе на улице Войкова стоит тот самый дом...

Но Алексей Жохов, оказывается, в Костроме, в доме отца, только воспитывался. Родился же он в Петербурге, где жила в ту пору семья Жоховых. В документе, который показал мне А. А. Григоров, читаю: «В метрической 1885 года книге Входа-Иерусалимской церкви, что у Лигова канала, под № 108 показано: коллежского советника Николая Федоровича Жохова и законной жены его Анны Михайловны — обоих

православных, сын Алексей родился 26 февраля (ст. стиля. — А. Б.) 1885 года, а крещен 17 марта».

— А вообще-то род Жоховых, — продолжал далее Александр Александрович, — старинный, древний. Насчитывает он не одно поколение людей служилых, достойных...

Когда-то один из них — Иван Родионович Жохов прославился, командуя полком костромичей в Куликовской битве, другой — Николай Эрастович — в Отечественной войне 1812 года. К этой древнейшей русской фамилии принадлежал и известный исследователь Дальнего Востока — адмирал Г. И. Невельский.

Алексей Жохов после окончания трех классов костромской гимназии по семейной традиции был определен на воспитание в Морской кадетский корпус, из которого вышло немало моряков, прославивших свое имя путешествиями и географическими открытиями, достойным служением родине и флоту. Мичман Жохов был выпущен из стен этого старинного привилегированного военно-морского учебного заведения 21 февраля 1905 года. Отзвук Кровавого воскресенья — предвестника первой русской революции — уже громовым эхом катился по всей России... Мы не знаем о политических взглядах Алексея Жохова, но нам хорошо известно, что его друзьями по Морскому корпусу, выпущенными вместе с ним, были Лев Галлер, ставший впоследствии выдающимся советским флотоводцем; Владимир Кукель-Краевский, внук Г. И. Невельского и будущий командир легендарной «Керчи», выполнивший исторический ленинский приказ о потоплении Черноморского флота в Цемесской бухте в июне 1918 года; Константин Неупокоев — видный советский гидрограф и участник ГЭСЛО; Леонид Гаврилов, геройски погибший на «Палладе» в 1914 году; Кирилл Станюкович — сын известного писателя-мариниста...

Как уже говорилось, одним из близких Алексею Жохову людей, кто находился рядом с ним в последние минуты, был Николай фон Транзе. В своих воспоминаниях Н. Транзе упоминает о том, что у Жохова была невеста. С ней Алексей был помолвлен. «Ушел он в экспедицию женихом, — говорит о своем товарище Транзе. — Жил мечтой о невесте, свадьбе, будущей жизни».

А. А. Григоров установил имя невесты и некоторые подробности ее биографии. Оказывается, Нина Гавриловна Жохова — так звали невесту Алексея, доводилась ему двоюродной сестрой. Со стороны родителей Жохова препятствий против брака не возникало. Но Гавриил Михайлович Жохов, начальник управления Варшавской железной дороги в Петербурге, отец невесты, и слышать об этом не хотел. Все должно было решиться с завершением экспедиции. Чтобы не обострять отношения с отцом, молодые люди решили повременить: авось все само собой уладится...

Но жизнь рассудила по-своему. Известие о начавшейся войне, перевод на «Вайгач», так болезненно воспринятый Жоховым, затем неожиданная и вынужденная зимовка. И, наконец, болезнь... Причиной ее, как утверждает в своих воспоминаниях врач «Вайгача» Э. Е. Арнгольд, было то, что Алексей Жохов, катаясь на лыжах в длинную полярную ночь, «простудил себе почки». Не много ли всего этого для одного человека, пусть и физически здорового? Арктика никогда еще не прощала даже малейшего ослабления духа полярника. А именно это и случилось с Алексеем Жоховым во время зимовки...

Одно время бытовала версия, что Жохов скончался от употребления в пищу якобы недоброкачественных консервов. Но теми же продуктами питалась вся экспедиция, и ни одного случая отравления за всю зимовку, как и вообще за все годы, не было отмечено. Более того, Николай Николаевич Урванцев, известный исследователь Севера, в одном из своих писем автору этих строк сообщал, что в 1935 году на Таймыре ему посчастливилось обнаружить продовольственное дело, заложенное здесь ГЭСЛО еще в 1915 году. «Военные консервы — щи с мясом, — утверждал Н. Н. Урванцев, — были и тогда совершенно свежими. Мы их ели с большим удовольствием».

И наконец еще один штрих, имеющий отношение к А. Жохову. Не так давно А. В. Шумилову, участнику полярной экспедиции «Комсомольской правды», длительное время успешно занимающемуся разгадками арктических тайн, удалось обнаружить в Центральном государственном архиве народного хозяйства в Москве ряд писем Н. Г. Жоховой. Они адресованы доктору Л. М. Старокадомскому, посвятившему Жохову в своей книге «Пять плаваний...» целую главу. Эти письма проливают свет на отношения Алексея с невестой, объясняют отчасти причину его подавленного состояния.

Нина Гавриловна Жохова всю жизнь прожила в Ленинграде, осталась навсегда верна своей первой любви. Пережила блокаду, во время которой была донором, а после войны еще многие годы бесменно проработала в Куйбышевской больнице медстатистиком. Но встретиться с этой удивительной женщиной мне, к сожалению, не довелось. Ее племянница Н. П. Еременко, многие годы жившая вместе с Жоховой, рассказывала, что, предвидя скорый конец, Нина Гавриловна попросила все письма Алексея Жохова сжечь. Насчитывалось их, по словам Н. П. Еременко, несколько сот. Были в этих письмах и стихи о плавании, о зимовке, о полярной природе...

Вот, пожалуй, и вся история лейтенанта Алексея Жохова, отважного полярника, исследователя-гидрографа, смелого и честного русского военного моряка, чье имя — как памятник мужеству первопроходцев — живет в Арктике и сегодня.